

Глубокий вдох, попытка стряхнуть слезы, скопившиеся в горле. — Просто уходи, — шепчу я ей, — Уходи. — Отворачиваюсь, закрываю глаза, яростно стараясь успокоиться. Вокруг нас царит тишина, словно тяжесть наших слов пронзила саму атмосферу. Напряжение витает в воздухе, подтачивая мой и без того хрупкий контроль. Сначала Йен, а теперь Мотма. Почему они не могут оставить меня в покое? Простояв еще минуту, не произнеся ни слова, пожилая женщина направляется к двери. Но перед тем, как закрыть ее, она оборачивается и говорит с грустью в голосе: — Мне очень жаль, Падме. — Как только за ней захлопывается дверь, я хватаю подушку, лежащую рядом с креслом, плотно прижимаю ее к лицу и кричу изо всех сил. Почему все всегда считают, что знают, что для меня лучше? Почему все думают, что понимают, через что я прохожу? Они ничего не знают: ни обо мне, ни о том, что я чувствую! Все, что им известно, — это Падме Наберри, политическое чудо-ребенок Набу! Они ничего не знают о женщине, которой я стала! Ослабляю хватку на подушке, позволяя ей упасть на пол. На мгновение закрываю глаза и снова подхожу к окну. Хотя я смотрю в ночную тьму, мои глаза ничего не видят. Вторжение на Набу научило меня кое-чему очень важному: в этой галактике есть люди, которые действительно заслуживают смерти, причем тысячекратно. Дипломатия? Рассуждения? Для этих людей это всего лишь пустые слова. Нельзя вразумить дикое животное, дикого гундарка. Единственное, что ты можешь сделать, — это усыпить их. Но, кроме того, это научило меня тому, что в этой галактике выживают только сильные. Когда Набу нуждалась в помощи, единственный орган, обладающий властью помочь, — Галактический Сенат — отказал нам в ней, что привело к опустошению моего родного мира. Во время вторжения, простреливая из бластеров ряды дроидов и переступая через тела погибших товарищей, я поняла, что единственный человек, на которого можно положиться, — это ты сам. Нельзя полагаться на добро других, нельзя полагаться на справедливость. Справедливость не существует для слабых и бедных; если думать, что она существует, это приведет лишь к разочарованию и почти наверняка к смерти. А когда Мон Мотма упоминает о такой неуловимой и идеалистической вещи, как любовь? От этого меня просто передергивает! Романтическая любовь — это полное и абсолютное заблуждение, придуманное подростками, которые смотрят слишком много "Головида". Такой душевной, умопомрачительной преданности не существует. Приложив руку к окну, я грустно улыбаюсь. Точно так же, как это стекло отделяет меня от жителей Корусанта, мой опыт отделяет меня от всех, кого я знала до вторжения. Воистину, милой, невинной, только что избранной королевы Набу больше не существует. Падме Наберри ушла навсегда, и вместо нее теперь живет королева Амидала. Отойдя от окна и усевшись на диван, я не могу не поразиться переменам во мне. Когда меня впервые избрали королевой, я была так взволнована. Мне казалось, что я наконец-то получила власть над своей планетой, нет, над галактикой, и смогу изменить ее к лучшему. Только позже я поняла, как мало у меня было власти. Какой же я была тогда дурак, такой наивный, такой до тошноты невинный. Но больше нет; я пробудилась к реальности жизненных путей, и теперь, когда у меня есть это знание, я никогда не смогу вернуться назад. Полагаю, я должна гордиться собой. Мне девятнадцать лет, я уже шесть лет королева Набу, но мне понадобилось меньше года, чтобы осознать правду. Урок дался мне нелегко, но он действительно был усвоен. В одном Мотма была права: вторжение на Набу изменило меня, но только мне кажется, что в лучшую сторону. Не поймите меня превратно: теперь я знаю некоторые вещи, о которых предпочла бы не знать. Я потеряла многих людей, которых не хотела терять, хороших друзей, которые ушли навсегда. Но благодаря этому я стала сильнее, или, по крайней мере, я продолжаю говорить себе об этом. Я должна это сказать, должна в это поверить, потому что если я этого не сделаю, я сломаюсь. Я знаю, что говорят обо мне мои коллеги за моей спиной. Они громким шепотом обсуждают мои переживания во время вторжения на Набу, рассказывают, насколько я изменилась. Они говорят, что я стала жестче, что мне не хватает политкорректности... Это не комплименты. Падме Наберри была бы обеспокоена тем, что ее коллеги-политики считают ее... поврежденной. Но я, королева Амидала? Я действительно не могу заставить себя наплевать на это. ***— Почему мы рождаемся? — Я уверен, что многие задавали себе этот вопрос.

Некоторые, возможно, даже прожили жизнь, отчаявшись когда-нибудь ответить на него. Но для меня, пятнадцатилетнего, это не столько вопрос, сколько ответ. Это ответ на хаос в галактике, на полный беспорядок, который поражает цивилизацию. Я всегда знал, что отличаюсь от других, что я особенный. Даже на Татуине, среди моих так называемых друзей, меня считали странным, каким-то образом отделенным от них. Это разделение только усугубилось, когда я выиграл у Себульбы на Boonta Eve Classic. Тогда казалось, что все хорошо: мы с друзьями смеялись, играли и ели вместе. Тогда я был в полном забвении, в своем мире, не замечая, что люди вокруг меня меняются, что сердца тех, кто должен был заботиться обо мне, начали превращаться в камень. Я не видел отблеска настороженности в их глазах, настороженности... страха. Я не слышал их шепота о том, что я могу делать то, что обычные люди не должны уметь, что у меня есть силы, которые они не могут понять... что я представляю угрозу. Я отчетливо помню тот день, когда мои друзья превратились во врагов; не думаю, что когда-нибудь забуду. Мне было девять. Вечером я отправился на свалку неподалеку от Мос Эспа. Несмотря на палящую жару и необычайную влажность, я был в предвкушении. Именно в этот день я наконец-то раздобуду остальные предметы, которые позволят мне собрать ЗРО для моей мамы. Я направился к задней части свалки, зная, что нужные мне детали, скорее всего, будут там. Я знал это место практически наизусть, так как мы с друзьями часто ходили туда играть, обычно представляя себя пиратами или охотниками за головами. Но в тот день я был падальщиком. Порывшись в кучах металлолома, я нашел фонари для глаз, несколько столь необходимых винтов и довольно много обрывков побитой, но пригодной для использования обшивки для корпуса дроида. Среди них было даже несколько с золотым покрытием — идеальный вариант, поскольку моя мама обожает этот насыщенный цвет. Я пробыл там около часа, когда услышал, что кто-то приближается. Я заулыбался от восторга, услышав знакомые голоса. Я почти собрал все детали для дроида и был готов к веселью. Солнце клонилось к закату, окрашивая песчаные дюны в багряные тона. Я, завороженный игрой света и тени, мечтал еще немного порезвиться, прежде чем отправиться домой на ужин. Заглянув за грудой ржавого хлама, я ухмыльнулся, строя в голове коварный план, как вытряхнуть песок из одежды своего друга. Но в тот же миг мои уши уловили слова... Скайуокер... странный... страшный... урод. Я окаменел, словно ударенный молнией. Глаза расширились от недоверия. Подождите... разве они не были моими друзьями? Мы играли вместе, делились крошками из лавки миссис По, давали клятву кровных братьев! Они же говорили, что мои способности - это круто! Как они могли так говорить обо мне? Отвернувшись, я поспешил скрыться за ржавым корпусом корабля, надеясь, что он скроет меня от их глаз. Сердце колотилось в груди, словно птица в клетке, а в горле пересохло от обиды. На мгновение мне показалось, что я не могу дышать. Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я смог подняться. К тому времени, как я это сделал, их звонкий смех и топот ботинок стихли. В тот вечер я вернулся домой поздно. Мама, заметив мое возвращение, бросилась ко мне, обхватив меня дрожащими руками. Я чувствовал ее страх, ее тревогу за меня, ее облегчение, что со мной все в порядке. Но ее объятия не согрели меня. На следующий день, когда мои "друзья" пришли ко мне с блеском в глазах и фальшивыми улыбками, я встретил их в ответ, натянув на лицо маску счастья и тепла. Мы прошли через весь ритуал, хлопая в ладоши, смеясь и шутя, прежде чем отправиться к песчаным карьерам, где нас ждали наши подражатели. Накануне было решено, что мы проведем весь день, доказывая, кто из нас самый быстрый. Но они не знали, что фасад был разрушен. Я знал, что они лгали, что они никогда не были моими друзьями. И они не знали, что я проснулся рано утром, чтобы внести некоторые... изменения в их гоночные машины.